

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
16–18 ИЮНЯ 2011

БЛИЖНИЙ ВОСТОК НА ПУТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
Обеспечение глобального экономического роста

17 июня 2011 г. — 17:30–18:45, Павильон 4, Зал 4.1, Арена

Санкт-Петербург
2011

За серьезными политическими изменениями в Тунисе, Египте и Йемене последовали аналогичные новости из Ливии, Бахрейна и других стран как в регионе Ближнего Востока, так и за его пределами. Это вселяет надежду, но также вызывает опасения: будет ли в будущем Ближний Восток стабильным и процветающим регионом?

Модератор:

Джон Дефтериос, Редактор программ по развивающимся рынкам, телеведущий, CNN

Выступающие:

Али ал-Даббаг, Официальный представитель Кабинета министров Ирака

Доктор Дэниэл Ергин, Основатель и Председатель, IHS Cambridge Energy Research Associates Inc.

Пьер Леллуш, Министр по делам внешней торговли Франции

Евгений Примаков, Президент, Председатель правления, дискуссионный «Меркурий-клуб»

Доктор Джафар Хассан, Министр планирования и международного сотрудничества, Иордания

Валид Шамма, Председатель, Morgan Stanley International

Участники дискуссии:

Ивар Максотов, Председатель Московского религиозного общества на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова; Главный редактор Religo.ru, старший преподаватель Центра изучения религий РГГУ

Иван Сафранчук, Директор, Центр изучения актуальных проблем безопасности МГИМО (У) МИД России

Дж. Дефтериос:

Добрый день или ранний вечер всем присутствующим! Меня зовут Джон Дефтериос. Мне любезно предложили возглавить дискуссию, потому что большую часть двух последних десятилетий я освещал Ближний Восток в средствах массовой информации. Я веду еженедельную деловую программу под названием «Рынок Ближнего Востока» на канале CNN. Хотя я работаю из Лондона, но половину рабочего времени провожу в разных странах Ближнего Востока.

Интересно отметить, что наше заседание сегодня на Петербургском международном экономическом форуме происходит почти через полгода после первого восстания в Тунисе, где начались всем известные события. В то время ведущие макроэкономические показатели Туниса выглядели крайне привлекательно. При рассмотрении макроэкономической ситуации в Тунисе в лучшие годы десятилетия можно было заметить рост на 5% - 6%. Страна была крупным экспортером текстиля и крупным экспортером сельскохозяйственной продукции. И, конечно, нет необходимости рассказывать вам об этой стране как о важном туристическом направлении. В Египте также многообещающая экономика. Это малоизвестный факт, хотя я уверен, что вы слышали об этом в деловых кругах: с 2005 по 2010 годы страна привлекла 50 миллиардов долларов США в виде прямых иностранных инвестиций. Большинство из 100 крупнейших компаний мира работали в Египте, потому что его рынок — это 80 миллионов потребителей.

Но, несмотря на все это, мы понимали, что там что-то не так. Мы знали это про небольшую экономику Туниса. Мы знали это про Египет — самую большую по количеству населения страну на Ближнем Востоке. Там не было того, что образно называется «табуреткой на трех ножках», если можно использовать такую аналогию. Проводились экономические

реформы, но не было политических реформ. Третий принцип в этой «табуретке»— глобальное регулирование и верховенство закона.

Имело место первое, но не было второго и третьего. Каждый раз, когда мы были в стране, говорили с разными лидерами делового сообщества или правительства и что-то предлагали, они отвечали, что это произойдет в свое время.

Я использую еще одну аналогию: ситуация походила на бутылку вина, в которую вы пытаетесь протолкнуть пробку все глубже, глубже и глубже. Создалось такое давление, что произошел взрыв. Мы не знали, что вызовет взрыв, сегодня мы лучше это понимаем.

Поэтому сегодня в течение ближайших 60 минут я хотел бы исследовать ситуацию, сложившуюся через шесть месяцев после первых восстаний. Слово будет предоставлено и участникам дискуссии, и другим присутствующим на сессии. Я думаю, что подсознательно мы все хотели бы верить, что скоро упадет последняя кость домино, и что стабильность уже ждет за углом. Хотелось бы, чтобы это произошло совсем скоро, по возможности — до конца 2011 года. Но мы видели, что происходит в Тунисе. Мы наблюдали ситуацию в Египте. Мы наблюдали ситуацию, сложившуюся в Бахрейне. Мы наблюдали ситуацию в Йемене. А сейчас мы видим критическую, болезненную ситуацию — переходный период в Сирии. В средствах массовой информации мы мало говорили конкретно об Алжире. Мы почти не упоминали Марокко и волнениях меньшего масштаба, которые быстро закончились в Иордании. Такова основа для нашей дискуссии.

Я хотел бы осветить как текущую политическую ситуацию, так и экономическое развитие. Потому что мы помним, что привело к текущей ситуации — двузначные цифры безработицы в прошлом и до настоящего времени. А среди молодежи они еще в два раза выше. Сообщу для тех, кто

не следит внимательно за ситуацией на Ближнем Востоке, что безработица в этих странах, в зависимости от рынка, составляет от 15% до 25%.

Я думаю, что будет интересно послушать представителей Ближнего Востока. Я хотел бы попросить господина Примакова выступить первым и передать слово нашим гостям. Прошу передать мою просьбу официальному представителю Кабинета министров Ирака Али аль-Даббагу, который к нам прибыл с визитом. Он также является пресс-секретарем правительства; это знают те, кто следит за его выступлениями в средствах массовой информации.

Процесс длится шесть месяцев, как я сказал во вступлении. Как Вы думаете, болезненный переход продлится 5–10 лет, и вне Ирака, в регионе будут ли еще происходить восстания?

Е. Примаков:

Вы говорили о событиях в Тунисе. Что было в Тунисе? Там выступила, прежде всего, молодежь. Молодежь, а вовсе не традиционные партии. И возникло новое явление в регионе. Молодежь поднялась, и ни одна традиционная политическая партия не смогла утверждать, что именно она является руководителем этих процессов. Несколько месяцев существовала тревога, и многие испугались, многие режимы стали бояться. А когда началась эпоха перемен, правительства попытались быть как можно ближе к народу. Многим правительствам надо было стать ближе к народу, демократичнее и на деле начать представлять свои народы. Действительно, эти правительства должны были стать во главе процессов, происходящих в этих странах, взять их под свой контроль. На одном из первых мест была, конечно, экономика, и, учитывая все возможные варианты развития событий, было непонятно, к чему приведут эти перемены. Однако в результате этих событий мы можем сделать вывод, что

дело идет к тому, что там установятся режимы, более близкие народам этих стран.

Дж. Дефтериос:

Спасибо за Ваш рассказ.

Доктор Хассан, Вы согласны с тем, что правительства сейчас ближе к народу? Я бы сказал, в Иордании уже давно проводятся реформы, и они привели к созданию открытой экономики. Однако люди по-прежнему недовольны из-за очень высокого уровня безработицы.

Это касается только Иордании? Сможет ли конкретно эта страна продолжить путь реформ, привлекать достаточные объемы иностранных инвестиций, развивать реформы для решения проблемы все еще высокой безработицы среди молодежи в стране? Кстати, я делал о ней репортаж около года назад. Безработица среди молодежи в разных частях страны составляет от 15% до 20%. Как вы считаете, правительства ваших стран принимают достаточные меры для решения этой проблемы?

Дж. Хассан:

Спасибо, Джон. Я расскажу об этом. Я согласен с министром Даббагом по многим вопросам, которые он затронул. Но я думаю, что нужно учитывать очень важный аспект — легитимность институтов власти. Легитимность институтов власти не статична. Легитимность институтов власти постоянно развивается, а если страны и режимы не работают над этим вопросом и не модернизируют свои институты, тогда они точно останутся вне игры.

Население становится все моложе; 70% жителей Иордании моложе 30 лет. Это очень важная тенденция. Если институты не успевают за развитием общества, это обнаружится при их проверке, и многие режимы рухнут. Мы были свидетелями проверки на прочность некоторых режимов в регионе. То, что мы наблюдали, это действительно проверка на прочность, которую

многие не прошли, это была проверка на легитимность институтов власти. С этой точки зрения и нужно их рассматривать.

Конечно, экономика имеет важнейшее значение. Дело не только в политической реформе, которая запоздала. Политические реформы отстали от экономических реформ во многих случаях. Но нужно трансформировать сравнительно высокие темпы роста в регионе в реальное развитие региона. Это очень важно, так как экономический рост и хорошие макроэкономические показатели, как вы констатировали, не обязательно переходят в эффективное развитие, особенно когда мы говорим о периферии.

В регионе мы наблюдаем следующее. В столицах и основных городах, в частном секторе идет очень быстрое развитие. Вы видите цифры: 8% роста. Но если посмотреть на периферию, на сельские районы, то рост значительно ниже. Если взять показатели безработицы, то также есть разрыв между сельскими районами, периферией и столицами. И этот разрыв велик.

В Иордании в стране в целом безработица составляет около 13%. Но если взять возрастную группу от 15 до 24 лет, большая часть которой учится в школах и университетах, и особенно два, три, четыре года после окончания учебы — то выясняется, что заниматься мы должны именно этой возрастной группой. В ней уровень безработицы намного выше. Я думаю, что самый важный вопрос — это занятость среди женщин. Это очень, очень важно.

Если посмотреть на бедность, на экономически неактивную часть населения, то доля женщин может составлять всего 9% от всего экономически активного населения Иордании. Это очень низкие показатели, ниже, чем в большинстве стран региона. Мы говорим о безработице среди женщин, в основном, среди женщин, недавно закончивших обучение.

Пятьдесят процентов выпускниц учебных заведений — безработные. А всего безработица среди женщин составляет 24%.

Вот где основная проблема. Если заниматься ее решением и уравнивать женскую безработицу с мужской, то уровень безработицы может составить менее 10%.

Я думаю, что это ключевой вопрос, в котором важную роль может сыграть частный сектор. В правительственных программах развития важнейшей становится задача поддержать выведение из столицы предприятий малого и среднего бизнеса, направить активность банков в сельские районы. Я хотел бы предостеречь от одного ошибочного шага. Мы открыли политическое пространство — Иордания предприняла некоторые смелые шаги, приняла новые законы о выборах, поправки к конституции, новые законы о политических партиях. Она быстро движется в направлении политических реформ в последнее время, не только за последние несколько месяцев.

Это — процесс. В определенные периоды времени он протекал гораздо медленнее. Особенно важно то, что мы открываем политическое пространство, но если экономические реформы не приведут к созданию рабочих мест для людей, не принесут пищу на стол или не докажут, что открытая экономика полезна для людей, тогда мы услышим от людей в избирательных округах политическое послание: «Мы хотим вернуть государственное управление экономикой».

Приватизация не является ни единственным, ни самым лучшим решением. Глобализация нам не подходит, она может стать особенно опасной в этой ситуации. Экономические реформы должны быть такими, чтобы при проведении политических реформ мы не вернулись назад в экономике.

Дж. Дефтериос:

Я хотел бы дополнить это выступление. Мы должны сообщить слушателям, если они еще не знают этого, что есть страны, имеющие ресурсы и не имеющие их. Есть страны, располагающие энергетическими ресурсами, и есть страны, которые их импортируют. Иордания относится ко второй категории.

За последние пять лет наблюдалась феноменальная тенденция: страны Персидского залива инвестировали в такие страны, как Иордания, потому что видели потенциал роста и реформы, которые там проводились.

Мы замечаем, что сейчас государства Персидского залива и другие страны Ближнего востока замкнулись и стараются решать внутренние задачи, не делать внешних инвестиций, которые были в какой-то степени перспективными, пока не произошли восстания. В этом заключается опасность, не так ли?

Дж. Хассан:

Я считаю, что государства Персидского залива ясно выразили свою поддержку Египту и Тунису. Они выразили поддержку Марокко и Иордании, пригласив их вступить в Совет по сотрудничеству стран Персидского залива (GCC). GCC является крупнейшим инвестором в Иордании и, вероятнее всего, будет им оставаться. Мы очень оптимистично смотрим на развитие отношений с GCC. Они очень чутко отнеслись к важности того трудного периода, через который мы сейчас проходим. Политическая поддержка из-за рубежа тоже была очень важна, и я надеюсь, что она останется такой же мощной и в дальнейшем.

Дж. Дефтериос:

Хорошо. Я хотел бы позднее вернуться к теме GCC, так как полагаю, что она очень важна. Некоторые считают Совет клубом монархов, который,

возможно, посылает не лучшие сигналы открытым экономикам. Но я продолжу Вашу мысль.

Валид Чамма, Вы банкир по профессии, родились в Ливане. Интересно было бы узнать Ваше мнение как представителя частного сектора о том, что произошло за последние шесть месяцев, и о том, чего следует ждать на следующем этапе.

В. Чамма:

Спасибо, Джон. Мне было интересно, по какой причине меня сюда пригласили. Вероятно, единственная причина в том, что я родился в Ливане. Но большую часть жизни я прожил в Нью-Йорке. Но, конечно, я заинтересованный наблюдатель. Когда мы видим на войну в регионе, мы не можем разобраться в том, что там происходит, и воспринимаем весь этот регион как одно целое, как одну страну.

На самом же деле этот регион состоит из 21 страны, в которых реальный валовой национальный продукт на душу населения составляет от 13 000 до 80 000 долларов США в год. Разница между Йеменом и Катаром примерно 80 000 долларов США. Однако мы обычно думаем об этом регионе как об однородной группе стран. Я думаю, что нужно перестать рассматривать этот регион как однородную группу и воспринимать каждую страну по отдельности.

Глядя на Ближний Восток или на этот регион с Запада, как человек, чьи корни в Ливане, я замечаю четыре черты произошедших восстаний.

Во-первых, по моему мнению, дело не в демократии. Дело скорее в достоинстве, как на прошлой неделе сказал в Атланте Мухтар Кент, плюс в ответственности за действия. Я думаю, люди устали от коррупции. Они хотят справедливости. Они хотят лучшего уровня жизни. Они хотят больших возможностей для своих детей. Поэтому они подняли восстание. Если бы в

довершение всего наступила свобода, это было бы отлично. Но в первую очередь они хотят достоинства.

Второе, что важно понимать в этих событиях. Когда я рос в Ливане, то если солнце утром не вставало, мы обвиняли в этом Израиль. Израиль ни разу не был упомянут в связи с этими восстаниями. Это довольно глупо.

Конечно, я здесь говорю не очень популярные вещи. Во-вторых, в ходе этих беспорядков демонстранты не сжигали американские флаги, хотя обычно первое, что вы видите на демонстрациях в арабском мире — это сжигание американского флага. Этого не произошло.

В-третьих, движущей силой всегда является религия. Религия всегда играла важнейшую роль в этом регионе. В последних же событиях ее роль очень незначительна. И, наконец, восстания были организованы молодыми людьми, без явных лидеров. Это уникальные черты данного восстания, что означает зрелость населения. Но главное состоит в том, что наконец-то на Ближнем Востоке люди стали брать на себя ответственность за собственные действия. Мы не можем винить Запад или кого-то другого в наших проблемах. Мы берем на себя ответственность за наше будущее и хотим им управлять самостоятельно.

Приведу еще некоторые статистические данные о Ближнем Востоке и на этом остановлюсь. Если взять последние 30 лет, то весь мир двигался вперед. Развивающиеся рынки двигались вперед, но Ближний Восток неизменно отставал. Рост ВВП на душу населения в мире составил около 275%. В развивающихся странах он был 375%. На Ближнем Востоке он составлял 233%. Ближний Восток отстает от остального мира, в том числе, от развивающихся стран. Я считаю, что именно по этой причине наши народы проявляют нетерпение: они хотят перемен.

Дж. Дефтериос:

Большое спасибо за то, что ознакомили нас с ситуацией, в том числе, с общей картиной. Если подумать, то мы могли бы снизить торговые барьеры на этом рынке и активизировать работу промышленности. Мы говорим о рынке, где более 400 миллионов потребителей, который сравним с Европейским Союзом и почти равен АСЕАН, если бы он мог действовать как единый рынок. Но мы еще вернемся к этому, если успеем.

В. Чамма:

Позвольте мне привести статистическую информацию о едином рынке для присутствующих на сессии. Общий размер экономик стран в составе GCC составляет всего две трети от экономики Испании. И это несмотря на то, что мы имеем 60% мировых запасов нефти и 45% мировых запасов газа. Размер ВВП всех стран Ближнего Востока составляет 80% Франции, а у нас 21 страна. Это история о потенциальном рынке для инвесторов и компаний на Ближнем Востоке.

Дж. Дефтериос:

То есть, мы предполагаем, что причиной была лень, потому что вам посчастливилось иметь нефть и газ. А сейчас наблюдается нежелание делиться ими с обществом. Это справедливый комментарий?

В. Чамма:

Нет. Дело не в этом. По моему мнению, нужно посмотреть на политическую систему — на то, сколько свободы было дано людям, чтобы они могли действовать. В основном, политическая власть была сосредоточена в нескольких семьях и у их приближенных. То есть, в основе такое устройство сильно препятствует конкуренции. Не было стимула для развития и создания возможностей для молодого поколения. Я думаю, что благодаря большей открытости, большей свободе, большей прозрачности, лучшему

корпоративному управлению, возможно, в долгосрочной перспективе мы увидим значительный рост на Ближнем Востоке.

Дж. Дефтериос:

Хорошо, большое спасибо. Мы, конечно, еще предоставим Вам слово. Господин Примаков, спасибо за проявленное терпение. Я хотел бы услышать о Вашем опыте за время руководящей работы здесь в России, где Ближний Восток всегда рассматривался как зона потенциальной опасности, которая может создать проблемы в иностранных делах России. Как Вы воспринимаете восстания последнего полугодия в этой части мира?

Е. Примаков:

Господин модератор, Вы призывали нас к тому, чтобы мы оценили возможные перспективы развития тех событий, которые происходят на Ближнем Востоке. Я хотел бы оценить эти перспективы, и в то же время подумать, как оптимизировать политику мировых держав в отношении этого региона после так называемой арабской весны. Нельзя не упомянуть о стереотипах, которые не выдержали соприкосновения с жизнью. Я имею в виду стереотипы, которые существовали в мире в отношении этого региона или регионов, если мы имеем в виду и Северную Африку. Первый стереотип заключался в том, что авторитарные режимы, установившиеся в арабских странах, и просуществовавшие многие годы, остаются достаточно стабильными. Этот стереотип имел под собой какие-то основания, потому что нужно прямо сказать, что опирались эти режимы на армию, на спецслужбы, которые были им преданы, проводили политику, которая в целом способствовала развитию экономики. Боролись против терроризма, боролись против радикального исламизма, развивали свои отношения с США, с Европой, и в то же самое время не противопоставляли развитие этих отношений своим связям с Востоком — с Китаем и с Россией. Казалось

бы, все было, как сейчас говорят «схвачено». Однако такой стереотип относительно надежности и стабильности этих режимов не выдержал соприкосновения с жизнью. Второй стереотип, который не выдержал соприкосновения с жизнью, заключался в том, что, мы все — и в том числе, ваш покорный слуга — считали, что главная и, пожалуй, единственная угроза для этих режимов — это радикальный исламизм. Вот из этого мы и исходили. Наконец, третий стереотип, разрушенный событиями, состоял в представлении, что армия еще со времен Гамаль Абдель Насера является такой силой, которая будет удерживать власть этих режимов, потому что сами представители этих режимов выросли из армии. Вот эти три стереотипа не выдержали никакого соприкосновения с жизнью. Если говорить об армии, то характерно, что Соединенные Штаты, например, уже понимая, что президент Мубарак недолговечен, понимая, что его сохранение может привести к росту антиамериканизма, пытались навести мосты непосредственно с армией и делали ставку сначала на генерала Сулеймана. А потом выяснилось, что ни генерал Сулейман, ни Хосни Мубарак не могут поддерживать армию в данных условиях, и это весьма важный показатель. Что нового выплеснулось наружу в арабских странах в 2011 году? Первое: это реальность стихийного социального революционного взрыва. И взрыва социального. Второе: мы как-то исключали арабский мир из того поля, на котором развиваются процессы глобализации. Во всяком случае, не делали акцента на том, что эти процессы охватили, в том числе, и арабский мир. Я имею в виду и Интернет, который, наряду с пятничными молитвами, сыграл большую роль в мобилизации масс, он даже соперничал и спорил с пятничными молитвами. В Египте, например, молодежное движение «26 апреля» в принципе собиралось на основе Интернета. А это 70 тысяч человек. Далее — телевидение, которое шло следом, по «принципу домино». И это все плоды модернизации, которая, безусловно, затронула и арабский мир. А мы

недооценивали того, что это явление существует и распространяется на весь арабский мир. Далее, вот Аль Дабаль уже говорил о том, что в лице молодежи появилась сила, которая действительно заняла ведущие позиции в оппозиционном лагере во время арабской весны. Это действительно так, и это действительно абсолютно никем не прогнозировалось.

Какие перемены произойдут в арабском мире в результате этих событий? Очень трудно ставить однозначный диагноз и делать однозначные выводы по этому поводу, но я считаю, что можно обозначить несколько возможных сценариев. Первый вариант — это сохранение стабильности — я бы сказал, в форме разбавленного авторитаризма, да, «разбавленного», хочу подчеркнуть это слово. Авторитарный характер режима сохраняется, но при сохранении авторитарного управления усиливаются и демократические проявления. Это первый вариант. Второй вариант — это переход к разбавленному исламизму. И снова я бы подчеркнул слово «разбавленный». Не иранского толка, а скорее турецкой модели. И третий вариант — это установление военной диктатуры в качестве реакции на сползание страны к гражданской войне и хаосу. В отношении различных арабских стран нельзя исключать ни одного из этих вариантов. Поэтому я бы отнесся со скепсисом к разговорам о том, что в этих странах просто установится и будет развиваться демократия. Да, со скепсисом. Это первое. С учетом выявившихся новых особенностей общества, происшедших и происходящих изменений, очевидно, становится необходимой серьезная корректировка подхода к арабскому миру. Вот смотрите, что мы пережили недавно. Это военная операция в Ираке, предпринятая на основе доктрины борьбы с терроризмом и показавшая, что применение военной силы ни к чему хорошему привести не может. До сих пор Ирак еле-еле выходит из того состояния, в которое его погрузила эта операция. И еще неизвестно, удастся ли этой стране сохранить территориальное единство и стабилизировать обстановку. Во всяком случае, такого взлета шиитско-

суннитской неприязни не было в Ираке никогда, даже при Саддаме Хусейне, когда она еще только появилась. Это показатель того, что военным способом решить проблемы арабского мира невозможно, навязать демократию арабскому миру военным способом невозможно. Ливия — это еще один показатель того, что военной силой ничего не решишь, как ни парадоксально это, может быть, звучит, потому что проводимая сейчас в Ливии операция предпринята с согласия Совета Безопасности ООН. В Ливии создалась патовая ситуация. Мне кажется, что в Ливии коалиционные силы сейчас уже думают, как им быть дальше, что делать, потому что проведение наземной операции будет прямо противоречить резолюции ООН, которая исключает возможность таких действий. Коалиционные силы и так уже вышли за рамки мандата, предоставляемого резолюцией. Значит, наземная операция будет уже полным отклонением от резолюции ООН, на основе которой действуют коалиционные силы. Мне кажется, что эти два примера применения военной силы с согласия и без согласия показывают, что военные методы решения вопросов в отношении арабского мира противопоказаны. Или контрпродуктивны, если хотите. Возьмем еще такой метод, как санкции. Вот в отношении Ливии, например, сейчас объявили санкции. Национальная ливийская компания, добывающая нефть, занесена в черный список. А те, кому разрешают добывать нефть, тесно связаны с этой национальной компанией. Вот, так сказать, результат санкций. Не говоря уже о других сторонах. Мне также представляется, что нужно внести реализм в политику в отношении Ирака. Это необходимо сделать, потому что во время произошедших событий мы мало обращали внимание на то, что Иран ведет себя достаточно умеренно. Когда Саудовская Аравия послала тысячу своих солдат в Бахрейн, и когда туда пришли еще 500 полицейских из Эмиратов, Иран практически смолчал, ограничившись только выступлениями в печати. И вообще Иран сейчас ведет себя умеренно, и этим не оправдывает существовавших в его

отношении прогнозов, предрекавших, что Иран будет там все переворачивать. Нужно более реалистично подходить к Ирану, и мне кажется, мы правильно поступаем в этом вопросе. Россия правильно поступает, и Китай правильно поступает, когда приближает Иран к себе и привлекает его к ШОС. И, наконец, необходимо приложить коллективные усилия к арабо-израильскому урегулированию. Именно коллективные. Без коллективных усилий ничего не выйдет. Монополизация урегулирования Соединенными Штатами — очень шаткая основа. Это показали даже последние события, когда президент Обама выступил, казалось бы, с очень обычным предложением о границах 1967 года, а дальше американская политика по этому вопросу уже уходит в кусты. Спасибо.

Дж. Дефтериос:

Хорошо. Вы затронули пять или шесть важнейших тем, которые я тоже хотел бы обсудить. Благодарю Вас за высказанное мнение по этим вопросам.

Дэн, я думаю, одна из тем, которые мы должны здесь обсудить, это то, что военная операция имела прямое отношение к природным ресурсам. Среди присутствующих есть люди, которые считают, что вторжение в Ирак было лицемерной игрой. И сейчас кто-нибудь может сказать то же самое о Ливии и о подходе невмешательства в Сирии.

Вы хотите развить эту тему или согласны со вступительным замечанием?

Д. Ергин:

Что касается Ливии, конечно, там повлияли европейцы. Я думаю, они обеспокоены иммиграцией, и это, вероятно, более важный фактор, чем нефть, так как нефть можно купить на рынке. Но я хотел бы вернуться к первому вопросу, касающемуся событий этой весны. Технически можно сказать, что весна закончилась, так как почти наступило лето.

Во-вторых, дух весенних событий уже не ощущается, потому что начался намного более тяжелый период. Ливия, Сирия, Йемен — конфликты в этих странах продолжаются. Я подумал о проходившей здесь интересной дискуссии о глобализации, об отдельных странах и о странах как группе.

Слушая эту дискуссию, я думал об отчете ООН о развитии данного региона за 2002 год, где предвидели многие из этих вещей, но никто не знал, как именно это произойдет. Но мы догадывались, что господин Мубарак, возможно, не будет руководить Египтом, когда ему будет 140 лет. В-общем, преобразования рано или поздно должны были произойти.

Я думаю о темах, которые здесь обсуждаются. Одна тема об участии молодежи, а вторая — об обманутых ожиданиях. По-моему, Валид правильно сформулировал то, о чем мы говорим: я имею в виду противоречивость глобализации. В 1960 году Египет, Тайвань и Южная Корея находились примерно на одном уровне.

Сегодня Тайвань и Южная Корея экспортируют на мировой рынок за два дня столько же, сколько Египет за год, и свой вклад в такое положение внесли трудности и противоречивость глобализации.

Во-вторых и в-третьих, конечно, мы упоминали революцию в области связи: она фактически началась в 1990-е годы с кабельного телевидения и спутникового телевидения, которые заложили ее основу. В каком направлении мы будем двигаться дальше? В то же время в этом секторе присутствует некоторая неопределенность.

Во-первых, образовалось новое поле сражения — такого мы раньше не видели — между социальными сетями, с одной стороны и традиционным национальным суверенным государством, с другой. Неожиданно выяснилось, что министерства информации, которые раньше могли все контролировать, теперь не могут контролировать ничего. Это первое, что изменилось.

Во-вторых, мы не знаем, какие правительства появятся в этом регионе. Как и господин Примаков, я задаюсь вопросом: где сохранится хоть какая-то стабильность? По-моему, особенно неопределенное положение в Йемене, который, хотя и кажется отдаленным, имеет большое значение для региона и, конечно, для его крупнейшего соседа.

Третье, как сказал господин Примаков: какими бы ни были стратегические и аналитические взгляды на произошедшее, важно учитывать геостратегическое равновесие. Это ведет к первоначальному вопросу о фундаменте для стабильности в регионе: Северной Африке и Ближнему Востоку принадлежат 65%, то есть — две трети мировых запасов нефти, и там сейчас неопределенность.

Это, как минимум, означает, что, пока ситуация не нормализуется, в цене нефти будет сохраняться надбавка за риск. Как показывает опыт, события, подобные происходящим сейчас, и трудные проблемы не разрешаются легко.

Дж. Дефтериос:

В результате — я слышал Ваши комментарии по этому поводу на сессии по энергетической безопасности — дела в этих регионах идут лучше, когда их внешние партнеры зависят от их энергетических ресурсов и больше заботятся о безопасности.

У нас вызывает подобное беспокойство Ормузский пролив. Мы уже видели, что произошло в Ливии, видели восстания в Бахрейне. Вызывает большую обеспокоенность возможность распространения этих процессов в восточную провинцию Саудовской Аравии.

Что конкретно можно сделать для повышения безопасности на этих фронтах?

Д. Ергин:

Нужно рассматривать практические вопросы безопасности, так как мировая экономика зависит от каналов поставок. Традиционно считалось, что это касается Запада. Но это касается и Востока. Это имеет большое значение для Китая. В дополнение к этому, в силу участвовавших в последнее время случаев пиратства, регион контролируют разные военно-морские силы. Дело в физической безопасности.

И, конечно, Бахрейн находится всего в нескольких десятках километров от крупнейших в мире месторождений нефти. Сейчас наибольшей проблемой является Йемен. Ответ может быть один. Это возвращает нас к тому, что мы уже обсуждали. У стран, обладающих нефтяными запасами, много денег. Если посмотреть на 130 миллиардов долларов США, которые Саудовской Аравией и ее королем направлены на решение социальных проблем внутри страны, если вы это суммируете и пересчитаете для населения США, то это будет соответствовать пакету срочных мер по стимулированию экономики в размере 2 триллионов долларов США. Деньги — часть решения проблемы.

Вопросы безопасности имеют большое значение. Кстати, это одна из проблем в Бахрейне.

Дж. Дефтериос:

У меня два важных вопроса, которые я хотел бы задать участникам дискуссии. А затем я приглашу выступить других участников круглого стола. Первое. По-моему, на обсуждаемый вопрос не дано ответа с международной точки зрения. Где заканчивается процесс?

Как правильно напомнил нам Дэн, эти сложные процессы распространились и на Йемен. Сейчас и Сирия находится в невероятно болезненном положении. Алжир почти исчез из поля зрения, потому что не освещается мировыми средствами массовой информации. Достаточно ли мы думаем об этом?

Господин аль-Даббаг, где закончатся волнения в следующие три или четыре года?

А. ал-Даббаг:

Дело в том, что существо режима пока еще не соответствует требованиям реальности. Поэтому изменения, возможно, откладываются, но эти изменения необходимы. Я хотел бы коротко прокомментировать то, что сказал господин Примаков. Изменения в Ираке отличаются от тех изменений, которые происходят или произошли в других странах. События в Бахрейне отличаются от событий в Йемене. Вопрос взаимоотношений шиитов и суннитов в этом регионе — это очень важный вопрос. Возможно, это один из самых горячих вопросов. И мы видим попытки зажечь фитиль и разжечь этот кризис в регионе. Никто в нашем регионе не извлечет пользы из межконфессиональной борьбы. Другой вопрос — это вступление наших стран в сотрудничество в разнообразных формах. Например, мы в нашем регионе можем сделать большой шаг к сотрудничеству с Францией и Германией. Ирак, к примеру, — это путь к Ирану, Ирак — это переход к Турции, и так далее, включая железную дорогу. Существует возможность обмениваться генерируемой электроэнергией, нефтью и газом. В результате этого мы можем стать партнерами в экономическом отношении, что может привести к появлению общих интересов. Наш район является ареной трехсотлетней борьбы между тремя различными направлениями, и эти сражения могут продолжаться еще 400 лет. Но для того, чтобы решить все наши вопросы, в том числе и пограничные, нужно идти путем создания совместных интересов, чтобы никто не стремился разбить и разрушить эти формулы через разжигание межконфессиональной борьбы. Скажем, проблемы, которые существуют между Ираном и между арабскими странами, могут существовать еще 30 лет, что может привести к дальнейшим сложностям. Ливан присутствует в Иране, в Палестине и в

Ираке. Лучшим решением будет достижение согласия по поводу той формулы, которая свяжет всех общими интересами.

Дж. Дефтериос:

Хассан, Вы хотите высказаться по этому вопросу?

Дж. Хассан:

Конечно. Я понимаю, из чего исходит господин аль-Даббаг, но я не согласен, что происходящие сегодня события являются межрелигиозными конфликтами. Это общественно-политические проблемы, как говорилось ранее, касающиеся ответственности за действия и равных возможностей. В определенных случаях наличие или отсутствие равных прав влияет на межрелигиозные проблемы. Но, в общем и целом в этих нестабильных регионах проблемы не межрелигиозные.

Сегодня вопрос состоит в том, кто на трибуне, кто слушает, как будет поделена, в конце концов, власть, которая сейчас очень монополизирована. Я думаю, что она будет разделена. Не думаю, что монопольная власть останется в одних руках, как это было в прошлом. Власть будет разделена. Вопрос в том, кто в наилучшем положении, чтобы получить большой кусок этого нового пирога? В этом отношении я бы не сбрасывал со счетов исламские движения. Тот факт, что не они возглавили толпу, не означает, что они не примут значительное участие в новой системе. Но власть будет, скорее всего, разделена сильнее, чем раньше.

Кто-то будет в лучшем положении, чем другие. Военные по-прежнему сильны и останутся на сильных позициях во многих из этих стран. Исламисты наверняка распространят свое влияние и эффективно используют свои связи в обществе. Но поле деятельности будет открыто и для многих других.

Будет ли это идеальная либеральная экономика, о которой многие мечтают, или либеральная система? Сомневаюсь. Но определенно будет большее разделение. Это означает повышение социальных расходов, возрастет нагрузка на бюджет и для богатых, и для бедных, и это, очевидно, приведет к замедлению инвестиций и экономического роста в ближайший период.

В кратковременном плане усугубятся экономические трудности. Но, говоря о среднесрочной перспективе, мы не должны быть пессимистами. Через четыре–пять оптимизма прибавится, потому что правительство...

Дж. Дефтериос:

Вы имеете в виду: через четыре-пять лет?

Дж. Хассан:

Через четыре или пять лет. Сформируется лучшее управление страной и появится бóльшая ответственность, чем сейчас.

Дж. Дефтериос:

Разрешите мне кое-что добавить. Валид, я хотел бы услышать, что Вы думаете. Существует серьезная опасность, как мне видится. После крупных восстаний ожидания настолько высокие, что существующие правительства практически не способны их оправдать.

Вы хотите высказаться по этому вопросу? Что если новые правительства не оправдают ожидания в течение года? Неужели разочаровавшиеся люди снова выйдут на улицы?

В. Чамма:

Я хочу выступить. На самом деле на этот вопрос трудно ответить. Я вернусь к тому, что говорил доктор Хассан, и прокомментирую его высказывания.

Самолет приземлится. Вопрос в том, насколько турбулентным будет полет. В разных странах это будет происходить по-разному. Я думаю, все зависит от гибкости политических систем в этих странах.

На Ближнем Востоке есть три типа режимов, и все они относительно негибкие. Начиная с таких режимов, как в Египте, где некоторые государственные функции достаточно независимые, например, военные. Сюда же относятся Тунис, Марокко и, может быть, Алжир. На другом конце находится Ливия, где нет никаких государственных институтов вообще.

В случае Ливии перемены приводят к аварии. В случае Египта, надеюсь, они смогут посадить самолет, но турбулентность будет. Шины лопнут, но они смогут посадить самолет.

Единственное, в чем я не согласен с доктором Хасаном, это сроки. Я считаю, что мы слишком оптимистичны, если надеемся, что посадим самолет через три - пять лет. Для подобных перемен потребуется больше времени. Я думаю, как минимум пять - десять лет.

Я думаю, нам придется существовать в переходном периоде дольше, чем ожидается. Причина в том, что для демократии, свободы, прозрачности, корпоративного управления нужен опыт. Это не приходит за один день. До этого нужно дорасти. Следующее поколение будет понимать это лучше, чем наше поколение. Людям понадобится время, чтобы это принять.

Что такое демократия? Это терпимость, желание идти на компромиссы. Мы еще не научились компромиссам, терпимости в этом регионе, потому что выросли в очень структурированной, негибкой системе. Я думаю, для перехода потребуется время.

Но в этом нет ничего плохого, потому что перемены должны произойти. Они должны были когда-то начаться, и сегодня для этого самое подходящее время.

Дж. Дефтериос:

Хорошо. Я хотел бы привлечь к дискуссии двух участников из первого ряда. Первый, Иван Сафранчук, директор Российского представительства Международного центра оборонной информации. Он также занимает другие должности.

И. Сафранчук:

Я хотел бы сказать, что у нас происходит очень интересная дискуссия, и происходит она, в основном, позитивном ключе, потому что бóльшая часть участников явно разделяет чаяния тех, кто, собственно, и совершил действия, которые мы сейчас называем «арабской весной». Но все-таки мы говорим о регионе, где общества и природа власти остаются преимущественно традиционными. Более стабильными оказались как раз режимы, не модернизированные с точки зрения природы власти, то есть, режимы монархические. Те режимы, которые во второй половине XX века экспериментировали с властью, проходили через несколько этапов свержения своих лидеров, политических убийств, и, в конечном счете, тоже де-факто пришли к монархиям-диктатурам, которые оказались слабее традиционных династических монархий. Но и в том, и в другом случае природа власти была традиционной, и общества остаются преимущественно традиционными. Власти этих стран пытались проводить реформы, пытались угнаться за миром, который так стремительно менялся во второй половине XX века: научно-техническая революция, индустриализация, глобализация, и так далее. Да, у них это получалось хуже, чем в некоторых других регионах мира, но они пытались это сделать. Социальные реформы прошли, по крайней мере, в некоторых областях, например, в сфере образования, и были более успешными, чем реформы в других секторах национальных экономик, в результате чего выросло, пусть не очень многочисленное, но целое поколение молодых образованных людей, которые полностью восприняли все чаяния глобализации и захотели

гораздо большего, чем делали правительства, находившиеся в то время у власти. Но все-таки это было меньшинство в своих странах. И сейчас, в ходе этой затянувшейся арабской весны, мы наблюдаем, что это прогрессивное меньшинство предъявило довольно высокие требования к своим правительствам и в ряде стран взяло власть. Но абсолютно непонятно, что они с этой властью будут делать дальше, потому что перед ними все равно остается инерционное традиционное общество, в котором живет большинство населения. Попытки создания каких-то демократических режимов приведут, скорее всего, к достаточно быстрой потере власти этими людьми, и как раз потому, что они не смогут удовлетворить тех излишне высоких ожиданий, которые существуют. И в этой связи у меня есть предположение, которое я хочу переформулировать в вопрос к нашим участникам: а можно ли ожидать в той или иной форме контрреволюции в этих странах? Или развития революции, но не совсем такого, которого нам хотелось бы? Я напомним, что мы находимся в Санкт-Петербурге, это колыбель революции. Здесь в 1917 году произошла февральская революция, тоже являвшаяся буржуазно-либеральной. А к концу года, в октябре 1917 года, произошла большевистская революция. Вот, может быть, и в арабском мире возможно нечто подобное или некая контрреволюция в более открытой форме, уже на более традиционалистских основах? Это могут быть радикальные исламские течения или просто какие-то течения, которые будут призывать жить по законам традиционного общества, а отнюдь не стремиться дальше к модернизации и либерализации. И эти ценности традиционного общества, как мне кажется, вполне разделяются большей частью населения данного региона.

Дж. Дефтериос:

Есть два пути в регионе, по которым можно пойти. Доктор Хассан, Вы хотите что-то добавить по этому вопросу? Есть два разных пути развития революций. По какому пути они в итоге пойдут?

Дж. Хассан:

Я думаю, сейчас никто не может предсказать, превратится ли существующее движение в нечто более политически организованное через пять или десять лет. Я думаю, что сейчас это очень трудно предсказать. Но есть одна очень ясная вещь, состоящая в том, что все — левые и правые, исламисты и либералы — были согласны с тем, что нужно изменить правила игры.

Все согласны, что необходимо изменить правила игры путем улучшения, модернизации власти, ответственности и верховенства закона. Это острая необходимость, этого все ожидают, независимо от того, будет ли власть исламской, если события примут такой поворот, или более либеральной.

Это будет основополагающим принципом развития. Но я не думаю, что вследствие произошедшего общество будет жить при одном доминирующем цвете. Говоря о политике будущего, я полагаю, что власть в этих странах будет более представительной, более многообразной. Я думаю, что Ирак — это очень хороший пример формирования многообразия. Действительно, страна испытывает трудности, но думаю, что многообразие очень важно, и очень важной будет совместная работа и способ продвижения вперед.

Дж. Дефтериос:

Десять лет назад мы совсем не говорили о разделении на шиитов и суннитов, по крайней мере, вне арабского мира. Господин Примаков, будет ли это мир с очень четкой двухпартийной системой, превалирующей религиозной партийной системой? Министр Даббаг, Вы подняли этот

вопрос во вступительных комментариях: мы увидим арабский мир с одной стороны суннитским, а с другой шиитским, и диалог не приведет к улучшению ситуации в будущем? Вы хотите развить эту тему? У нас остается немного времени, поэтому прошу Вас высказываться коротко и прямо. В этом заключается первоочередная проблема региона?

А. ал-Даббаг:

Здесь важно сказать, что межконфессиональные разногласия, конечно, существуют. Но в странах нашего региона и в Ираке нет никаких внутренних проблем, хотя есть такие режимы, которые используют межконфессиональные противоречия или козыри для разжигания такого рода конфликтов. Сейчас трудно видеть межконфессиональную подоплеку, например, в событиях в Сирии или в Ливане. Там есть определенные политические силы, которые пытаются разыграть эту карту, и конечно, в Египте, например, это были явно раздутые межконфессиональные столкновения. Сейчас нет никаких проблем, сейчас люди в согласии. Между собой у людей существуют какие-то определенные простые проблемы, но по своей природе они расположены по отношению друг к другу весьма дружески. Мы готовы жить и давно живем вместе с евреями, и самые лучшие воспоминания у евреев, которые жили в арабских странах, — это Ирак, они там жили в мире и согласии с другими народами. Но здесь есть политические круги, которые используют именно эти межконфессиональные факторы, чтобы разжечь конфликты. То же происходит и в Ливии. Ливия — страна, которая, вполне возможно, будет примером для «Аль-Каиды». Здесь игра слов, потому что слово «кайда» означает «база».

Дж. Дефтериос:

Вы имеете в виду Саудовскую Аравию?

А. ал-Даббаг:

Я хочу сказать, что кризис заключается в том, что существующие конфессии или существующие различные толки и направления пытаются отрицать друг друга. Можно сказать, что «Аль-Каида» базируется на определенной ветви ваххабизма, но проблема все равно не в этом, а в том, что исламские круги и исламские институты должны уметь находить выход из существующего положения. И, как считает наш друг господин Примаков, было сопротивление оккупации — да, это правильно. И в то же время мы должны помнить, что межконфессиональные конфликты, которые разжигались, не отражали истинного положения дел, потому что люди везде, в общем-то, одинаковые, но были те политические круги, которые использовали идеологические факторы в собственных интересах. Спасибо.

Дж. Дефтериос:

Разрешите мне предоставить возможность выступить, я хотел бы услышать Ваш анализ того, о чем мы говорим за круглым столом.

Спасибо, Джон. Я хотел бы поговорить об исследованиях в области религии и академических наук, которые недавно проводились в этом регионе. Я собираюсь говорить не о конкретном регионе, потому что, по-моему, происходящее на Ближнем Востоке и в Северной Африке — не местное явление, не локальная проблема, которую можно было бы объяснить с помощью политики или экономики.

Это глобальное явление, которое имело место во всем мире, а сейчас называется «фундаменталистской революцией». Это значит, что во всем мире есть такая тенденция, в разных уголках мира — даже в странах, которые мы воспринимаем как прогрессивные или демократические.

В этих странах мы обнаружили разные виды фундаментализма. Это могут быть разные виды национализма или конкретная экстремистская

группировка, в основном мы видим исламистские группы. Но это совсем не проблема ислама, и не проблема внутреннего мусульманского конфликта между шиитами и суннитами.

Это проблема фундаментализма, который возникает в форме мировоззрения в разных странах, регионах и культурах как реакция против глобализации. Этот процесс происходит не только на Ближнем Востоке.

Когда мы смотрим на этот регион, нам не следует объяснять последствия. Это не экономическая проблема. Сказанное здесь может объяснить, почему события произошли именно на Ближнем Востоке или в Северной Америке. Данная революция произошла в результате явлений, которые могли возникнуть в любой части мира.

Это обнаружили религиозные антропологи и религиозные социологи не только в странах третьего мира, как мы их называем. Серьезную проблему представляют собой экстремистские группы, которые состоят из культов или сект.

Но фактически это реакция на очень глубокие проблемы нашей культуры в настоящее время; я имею в виду культуру и человеческую цивилизацию. Она побуждает нас существовать, говорить и думать глобально.

Проблема также состоит в использовании религии. Мы воспринимали религию как взаимодействие различных организаций. Но выяснилось, что в течение последних 30 лет религия становилась более разобщенной.

Поэтому следует говорить не об Аль-Каиде, Римской католической церкви или других крупных организациях. Нам следует говорить о конкретных местных движениях, которые, возможно, имеют больше влияния, чем такие крупные организации, как церкви или конкретные экстремистские организации.

Это проблема, потому что, вообще говоря, когда мы пытаемся описать конкретные противоречия или борьбу в регионе, в данной стране, мы пытаемся говорить о конфронтации между организациями и институтами.

Но нам следует говорить о таких гораздо более влиятельных местных движениях, как сторонники разных племен в Ливии или в Египте.

В этой связи у меня есть две идеи. Во-первых, мы должны ясно понимать, что нужно учитывать религиозную разобщенность. В данной ситуации движения на местах, которые иногда не считаются религиозными или влиятельными, на самом деле намного важнее, чем конфронтация между организациями.

Кроме того, происходит так называемая «фундаменталистская революция». Эта тенденция среди фундаменталистов заключается в понимании демократии как абсолютной ценности, так же, как понимается исламское государство или исламская культура.

Дж. Дефтериос:

Хорошо. Спасибо большое за Ваше выступление. У кого-нибудь из участников дискуссии есть комментарии по затронутым темам?

Это была отрицательная реакция на глобализацию и непонимание местных обычаев и религий.

Д. Ергин:

Я хотел бы сказать о будущем. Наверное, вам известно, что Египет находится в очень плохом финансовом положении: туризм сократился, иностранные компании не хотят инвестировать в Египет, экономика функционирует не очень хорошо.

Поэтому к концу года или в начале следующего года возникнет сильное разочарование, экономическая ситуация ухудшится, а не улучшится, даже если страны Персидского залива окажут финансовую помощь.

Валид, не знаю, согласны ли Вы.

В. Чамма:

Вы абсолютно правы, нас снова ждет разочарование. Я думаю, что Запад и западные организации должны быть готовы вмешаться в ситуацию и предоставить финансовую, экономическую поддержку как можно скорее. Мы не должны упустить Египет просто потому, что мы думаем о происходящем в краткосрочной перспективе.

На этом этапе Египет, вероятно, вступит в дефляционный период. Нет поступления денег от туризма, нет иностранных инвестиций, люди бастуют, и мы перейдем от роста в 5,5% к нулю, в лучшем случае, по моему мнению. Население очень активно, но работы нет. Я думаю, что Запад должен реагировать. Недавно это сделали «большая двадцатка» и «большая восьмерка», которые предоставили необходимую поддержку.

Сейчас нужно убедиться, что эти деньги поступят в Египет и в Тунис.

Дж. Дефтериос:

Создается возможность расширить диалог между институтами Ближнего Востока, «большой двадцаткой» и «большой восьмеркой».

Структура выглядит довольно хорошо. «Большая восьмерка» постановила и, возможно это перенесут в контекст «большой двадцатки», что нужно привлекать обладателей ресурсов и GCC, чтобы они вкладывали деньги и поддерживали усилия.

А. ал-Даббаг:

Деньги приходят из Европы, из Соединенных Штатов. Есть определенная проблема, и господин Примаков говорил о том, что тот способ, который применяется в Ливии для решения проблем, — это неправильный способ. Многие страны переживают сейчас экономические проблемы. Например, Тунис. Существует потребность в хирургической операции в регионе, но операция всегда трудна. Надо разрезать человеческое тело. Мы должны пережить эту боль, которую переживает арабский мир, чтобы выздороветь.

Неужели альтернатива состоит в том, чтобы остался Каддафи или чтобы оставался Саддам Хусейн? Нет, это недопустимо. Конечно, мы должны разрешить некоторый пуск крови для того, чтобы операция прошла, но мы бы излечились. Нельзя позволять сохраняться этим страшным режимам.

Дж. Дефтериос:

Последнее, о чем я хотел бы сказать: есть два разных подхода к восстаниям, и это опасная зона для Египта. Сейчас стратегия заключается в том, чтобы отправить в тюрьму восемь министров и отдать под суд всю семью Мубарака, дойти до конца, чтобы не было возможности возродить старую систему.

Недавно я брал интервью для нашей программы у Премьер-министра Туниса. Его подход очень отличается: он состоит в том, чтобы закрыть главу прошлого как можно быстрее и двигаться вперед. Какой путь правильный при данных обстоятельствах? Нужно ли оттереть шкаф до полной чистоты, как стараются сделать в Египте, убрать те явления, которые им не нравились в течение 30 лет? В Тунисе руководство осуществлялось 23 года, это похожий сценарий. Но они предлагают: «Давайте забудем прошлое».

В. Чамма:

Я думаю, что из присутствующих здесь самый большой эксперт в этом вопросе — господин ал-Даббаг.

Дж. Дефтериос:

Я дам Вам слово, доктор Хассан, но сейчас, пожалуйста...

А. ал-Даббаг:

Нет, нужно провести коренные изменения, косметические изменения недопустимы. Будь то в Йемене, в Тунисе или в каких-то других государствах. Произошла смена декораций, а смены декораций не должно быть, нужны принципиальные изменения. Может быть достигнут какой-то компромисс, народ хочет свержения режима. Сейчас в Египте нельзя оставаться людям, сотрудничавшим с Хосни Мубараком. Этот режим был диктаторским по отношению к своему народу. Сколько времени займет процесс перемен, я не знаю, но это нужно делать.

Дж. Дефтериос:

Доктор Хассан хотел выступить, и я передаю последнее слово ему. Доктор Хассан? Спасибо.

Дж. Хассан:

Возможно, где-то это необходимо, но я не думаю, что весь регион ждет открытое оперативное вмешательство. Есть стабильные страны, которые проводят правильные действия, и следует их побуждать к совершению этих правильных действий. В конце концов, перемены в условиях стабильности намного, намного лучше, чем насильственные перемены в условиях полного беспорядка. Нужно отдельно изучать каждый случай и ситуацию в каждой стране. В некоторых странах, включая Египет, есть сильные институты власти, которые можно улучшить и которые можно брать за основу. Не следует просто все уничтожать и начинать с нуля. Возможно, в других странах ситуация совершенно иная, и это придется сделать. Очень важно убедиться в том, что, вкладывая деньги, мы не создаем дополнительных экономических проблем для этих стран. Да, Египту предстоит пережить трудный период. В Иордании тоже могут наступить трудные времена, потому что туризм тоже сократится. Инвестиционные

настроения в порядке, мы стабильны, возможно, в этом наше преимущество. Но в целом регион пострадает экономически.

Занимать деньги для того, чтобы оставаться на плаву — неправильное решение. Правильным решением будет направлять инвестиции, дешевое финансирование развития в нужные области, нужные сектора экономики, чтобы экономика была на плаву, и чтобы те, кто в самом неблагоприятном положении, почувствовали разницу. Но не для того, чтобы увеличить задолженность стран, которая растянется на следующие 10 или 20 лет и которую придется потом погашать.

Дж. Дефтериос:

Хорошо. Господин Примаков?

Е. Примаков:

Я думаю, что мы обошли вниманием очень важный вопрос. Это влияние средств массовой информации на то, что происходит сейчас в арабском мире. Понимаете? Например, возьмите Ливию. Две недели тому назад у Каддафи погибли двое близнецов-внуков, сын и двухмесячная внучка — и все молчат. Так? Разве это не действует на Каддафи, который заявляет, что хочет погибнуть в своей стране. Общественное мнение какое-то существует или не существует? Возьмите вообще Ливию. Что там происходит? Разве не ясно, что значительная, если не бóльшая часть населения, поддерживает Каддафи, каким бы он ни был? Никто его не обожествляет, никто не говорит, что это идеальная фигура, никто не абсолютизирует его. Но в то же время нужно исходить из того, что там действительно сложная картина, если еще вспомнить историю и вспомнить разделение племен в Ливии. Вспомнить, что сейчас против Каддафи борются со знаменами короля Идриса, и вспомнить, что король Идрис базировался на Киренаике. Почему? Потому что он еще до того, как стал

королем, уже был руководителем синуситов. Все, так сказать, уходят в сторону, никто об этом ничего не говорит. Теперь пример по Сирии. Тут мало внимания обращают на то, что боевики стреляют в сирийские войска, которые тоже стреляют, к сожалению. Но там уже происходит не просто подавление демонстраций, а идет чуть ли не начало гражданской войны. Знаете, абстрагироваться от всего этого нельзя, и я, в общем-то, к сожалению, хочу сказать, что и наше телевидение, в России и в других странах, пошло за CNN, пошло за вашими картинками. Иногда я даже своими глазами видел: показывают в Иордании антиправительственную демонстрацию, а люди там несут портреты Абу-Даби. Короля. Это делается, и многие на этом играют.

Дж. Дефтериос:

За то время, что я рассказываю об этом регионе в своей программе, действительно изменилось много. Когда мы приезжали в регион еще 15 лет назад, в течение получасовой передачи новостей можно было видеть только то, как шейхи наносят друг другу визиты, пожимают друг другу руку.

В дополнение к работе, которую мы делали для CNN или других конкурирующих компаний в регионе, за последние пять лет появилось общеарабское региональное вещание, феноменальное явление, которое фактически ведет к тому, о чем говорит господин Примаков.

Затем мы переходим к следующему этапу мобильной связи и социальным сетям, но это отдельная тема. Мы должны заканчивать дискуссию, так как время истекло. Я хочу поблагодарить участников дискуссии и выступивших из зала, мы надеемся увидеть всех на сессиях завтра. Большое спасибо.